

Глава XLIV. ВОЙНА. ВАНДЕЯ. ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

В начале 1793 г. положение на театре войны представлялось в очень мрачном виде. Успехи, одержанные предыдущей осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти в наступление, надо было пополнить армии, а волонтеров записывалось все менее и менее. В феврале рассчитывали, что потребуется по крайней мере 300 тыс. человек, чтобы заполнить пробелы в рядах и довести действующие войска до полумиллионного состава. Но на одних волонтеров для такого громадного войска уже нельзя было положиться. Некоторые департаменты, как, например, Вар, Жиронда, продолжали посылать туда чуть не целые маленькие армии, но были другие, которые ничего не давали*.

*Народ, конечно, знал, как приняты были волонтеры 1792 г. генералами и генеральными штабами, принадлежавшими почти все к роялистам. Никто не хотел брать их в свои полки, говорит Авенель, изучавший архивы военного министерства. Их обзывали «дезорганизаторами», «трусами» и расстреливали за первую ошибку; против них возбуждали линейные войска (Avenel C. Lundis revolutionnaires. Paris, 1875, p. 8).

Тогда Конвент увидел себя вынужденным объявить 24 февраля 1793 г. набор в 300 тыс. человек, которых распределили по столько-то человек на каждый департамент и по столько-то на каждый округ и коммуну. Коммуны должны были сперва вызвать волонтеров; но если это не давало нужного числа людей, тогда коммуны должны были набирать остальных тем способом, какой они сами найдут лучшим, т. е. либо по жребию, либо по личному назначению общиной; причем в обоих случаях дозволялось найти заместителя. Чтобы побудить к поступлению на службу. Конвент не только обещал пенсии солдатам, но также давал им возможность покупать национальные имущества, выплачивая каждый год своей пенсией десятую часть покупной цены. Для этой операции было ассигновано имущество на 400 млн.*

*Все осталось, однако, по-видимому, в виде обещаний (см. статью Авенеля «Национальные имущества» в его «Lundis revolutionnaires»).

Недостаток в деньгах был в это время ужасный, и Камбон, безусловно честный человек, которому предоставлена была почти полная диктатура финансов, был вынужден сделать новый выпуск ассигнаций, т. е. кредитных билетов, на 800 млн. Ассигнации, как уже сказано было раньше, обеспечивались тем, что будет поступать от продажи церковных имуществ и

конфискованных государством имений эмигрантов-роялистов. Но самые доходные из имуществ духовенства — земли — были уже проданы, а имения эмигрантов продавались очень плохо. Их покупали неохотно, так как вообще боялись, что они будут отобраны у покупателей, как только эмигранты вернутся во Францию. В таких условиях Камбону становилось все труднее и труднее покрывать постоянно возрастающие расходы на военные потребности*.

*Некоторые революционные секции Парижа предложили заложить все свои имущества как гарантию выпущенным ассигнациям. Их предложение не было принято, но в нем была верная мысль. Если нация ведет войну, нужно, чтобы тягость ее несли имущие классы не только наравне с людьми, живущими своим заработком, но и больше их.

Впрочем, главное затруднение на театре войны было не столько в деньгах, сколько в офицерах. Большинство офицеров и почти все высшее начальство были против революции, тогда как система выбора офицеров солдатами, недавно введенная Конвентом, не могла дать офицеров высших чинов раньше чем через несколько лет. В данную минуту генералы и высшие чины вообще не внушали доверия войскам, и за изменой Лафайета действительно скоро последовала измена Дюмуре.

Мишле был совершенно прав, предположив, что Дюмуре, когда он выехал из Парижа к своей армии через несколько дней после казни Людовика XVI, уже нес измену в своем сердце. Он видел, что Гора взяла верх, и, конечно, понял, что казнь короля открывала в революции новую страницу. Революционеров он глубоко ненавидел и должен был решить, что его мечта — водворить порядок, вернув Францию к конституции 1791 г. и посадив герцога Орлеанского на престол, — может осуществиться только при содействии австрийцев. С этого момента он уже должен был решиться на измену.

В то время Дюмуре был в тесной связи с жирондистами. Он состоял даже в интимных сношениях с Жансонне, одним из видных людей этой партии, вплоть до апреля месяца. Но он не порывал связи с монтаньярами, которые, правда, сомневались в нем (Марат открыто называл его изменником), но не чувствовали себя в силах его отстранить. Его столько восхвалили за победы при Вальми и Жемаппе, истинная подкладка отступления пруссаков так мало была известна в большой публике, и солдаты, особенно линейных войск, так обожали своего генерала, что нападать на него значило бы вооружить против себя армию, которую он легко мог повести на Париж, против революции. Оставалось, следовательно, выжидать и зорко присматриваться к нему.

В это время началась война с Англией. Как только известие о казни Людовика XVI было получено в Лондоне, английское правительство вернуло французскому посланнику верительные грамоты и велело ему покинуть Соединенное королевство. Но казнь короля была, очевидно, только предлогом. Теперь действительно известно из дневников Мерси, что английское правительство вовсе не так нежно относилось к французским роялистам и тщательно избегало всего того, что могло бы дать им силу. Тори (консерваторы), находившиеся у власти, просто поняли, что для Англии наступил момент подорвать соперничество Франции на морях и отнять у нее колонии и, может быть, даже один из ее больших портов, во всяком случае ослабить ее на море. Торийское правительство

воспользовалось теперь впечатлением, произведенным в Англии казнью короля, чтобы двинуть страну к войне и, кстати, заглушить зарождавшееся революционное настроение у себя дома.

К несчастью, французские политические люди не поняли неизбежности войны с Англией. Не только жирондисты, в особенности Бриссо, гордившийся своим воображаемым знанием Англии, но также и Дантон, надеялись все время, что виги (либералы), часть которых увлекалась идеями свободы, низвергнут торийское правительство Питта и тогда прекратят войну с Францией. В действительности же вся английская нация¹ вскоре оказалась заодно, когда сообразила, какие торговые выгоды можно было извлечь из войны. Нужно также сказать, что английские дипломаты сумели воспользоваться честолюбивыми замыслами французских государственных людей. Дюмуре они внушили мысль, что именно он тот человек, который им нужен и с кем они согласны вести переговоры; и ему они обещали свое содействие, чтобы восстановить конституционную монархию. А Дантона они уверяли, что виги скоро вернутся к власти и заключат мир с республиканской Францией*. Вообще они маневрировали так, что смогли свалить ответственность за войну на Францию, когда Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Соединенному королевству.

*Sorel A. L'Europe et la Revolution (rangaise, v. 1—5. Paris, 1885—1903, v. 2, ch. II, p. 373 et suiv. см. также Avenel. C. Op. cit.

Война с Англией изменила все положение дел на северной границе. Овладеть Голландией, чтобы не дать высадиться здесь английским войскам, становилось необходимостью. Но именно этого Дюмуре не сделал предыдущей осенью, несмотря на приказания Дантона. Потому ли, что он не считал себя в силах это совершить или потому, что не хотел этого, во всяком случае в декабре он уже занял свои зимние квартиры в Бельгии, чем, конечно, возбудил неудовольствие бельгийцев против Франции. Главным его военным складом был Льеж.

До настоящего времени еще не выяснены все обстоятельства измены Дюмуре. Весьма вероятно только то, что, согласно догадке Мишле, он уже 26 января, уезжая из Парижа, решил на измену. Его поход в конце февраля на Голландию, когда он овладел Бредой и Гертрюиденбергом, по-видимому, был уже не что иное, как маневр, сделанный по соглашению с австрийцами. Во всяком случае он прекрасно послужил австрийской армии, так как 1 марта она могла вступить в Бельгию и без всякого труда овладела Льежом, жители которого тщетно просили Дюмуре выдать им оружие. Льежские патриоты вынуждены были бежать из страны, а французская армия была в полном разброде, так как генералы не хотели помогать друг другу; Дюмуре же был далеко, в Голландии. Трудно было в самом деле лучше услужить австрийцам.

Легко себе представить, какое впечатление произвели эти известия в Париже, тем более что вслед за ними пришли и другие, еще более тревожные. 3 марта стало известным, что в Бретани должно немедленно начаться восстание против революции. В то же время в Лионе реакционные батальоны, составленные из «сыновей хороших семейств», поднялись против революционной коммуны города Лиона, — как раз в то время, когда дворяне-эмигранты, собравшиеся в Турине, переходили границу и вступали, вооруженные, во Францию при

поддержке сардинского короля. Наконец, 10 марта восстала Вандея — обширная область в западной Франции между Бретанью и рекой Луарой. Ясно было, что все эти движения, как и в предыдущем году, составляли часть обширного плана контрреволюционеров.

Дантон был в то время в Бельгии, и его вызвали безотлагательно. Он прибыл в Париж 8 марта, произнес одно из своих могучих воззваний к патриотизму и объединению, которые заставляли биться все сердца, и Коммуна снова вывесила черное знамя. Отечество снова было объявлено в опасности.

Добровольцы спешили записываться, и 9-го вечером гражданский прощальный ужин был устроен на открытом воздухе, на улицах Парижа, перед их выступлением. Но то не было уже юношеское увлечение 1792 г. Напротив того, мрачная энергия воодушевляла добровольцев; а сердца бедного народа в предместьях болели от раздоров, раздиравших Францию. Говорят, будто Дантон сказал в этот день: «Нужно было бы восстание в Париже!» И действительно, нужно было бы восстание, чтобы стряхнуть упадок сил, овладевший народом.

Чтобы бороться с трудностями, действительно ужасными, осаждавшими революцию со всех сторон, и чтобы покрыть громадные расходы, вызванные согласным выступлением против революционеров внешних врагов и внутренних противников революции, нужно было бы потребовать пособия от той буржуазии, которая нажилась благодаря революции. Но именно этого не хотели правители Франции.

Они противились такой мере уже по принципу, так как считали, что накопление богатств в руках частных людей — лучшее средство для обогащения нации; но, с другой стороны, они боялись, как бы не вызвать в больших городах всеобщее восстание бедных против богатых. Сентябрьские дни, особенно 4 и 5 сентября, были еще свежи в памяти. «Что же это будет, — думали они, — если целый класс, все бедные, поднимется против другого класса, всех богатых? Это была бы гражданская война в каждом городе, притом в такую пору, когда на западе восстают Бретань и Вандея, поддерживаемые Англией, дворянством, эмигрантами, собравшимися на острове Джерси, папой и всем духовенством, а на севере вторгаются австрийцы, и армия Дюмуре готова идти вместе с ними на Париж усмирять парижан».

В таких условиях так называемые «руководители революционной мысли» (les chefs d'opinion, как тогда говорили), принадлежавшие к партии Горы и Коммуны, постарались прежде всего успокоить панику, показывая вид, что они доверяют Дюмуре. Робеспьер, Дантон и Марат, составляя род умственного триумvirата, руководителя мнений, и поддерживаемые Коммуной, стали говорить в этом смысле. Они старались прежде всего поднять дух, разжечь сердца, чтобы дать силу Франции отразить нашествие, являвшееся в этом году гораздо более опасным, чем предыдущей осенью. Все стали работать в одном направлении — все, кроме жирондистов: эти видели только «анархистов», которых надо было раздавить, истребить, казнить!

10 марта Париж волновался; боялись возобновления сентябрьских убийств. Но озлобление народа было отведено в сторону и направлено против журналистов, друзей Дюмуре. Кучка народа пошла разбивать станки жирондистских газет, издаваемых Горсасом и Фьеве.

В сущности народ хотел вовсе не этого. Возбуждаемый Варле, Жаком Ру, Фурнье-американцем и другими «бешеными», он хотел «очищения Конвента», т. е. удаления из него реакционеров-жирондистов. Но это требование в секциях подменили пустым требованием революционного трибунала. Мэр Паш и прокурор Коммуны Шометт пришли поэтому 9 марта в Конвент, требуя назначения такого судилища. Их поддержал Камбасерес (ставший впоследствии «архисоветником» Наполеоновской империи). Отказываясь от установленных тогда понятий о необходимости разделения между властями, законодательной и судебной, он предложил Конвенту взять судебную власть тоже в свои руки и назначить особое судилище, чтобы карать изменников.

Роберт Ленде, адвокат старой монархической школы, предложил тогда трибунал, составленный из судей, назначаемых Конвентом, и обязанный судить тех, кого Конвент предаст его суду. Он не хотел даже, чтобы были присяжные, и только после долгих прений решено было прибавить к 5 судьям, назначаемым Конвентом, 12 присяжных и 6 заместителей, взятых в Париже и соседних департаментах и также назначаемых Конвентом сроком на один месяц.

Таким образом, вместо того чтобы принять меры против биржевого мошенничества и спекуляций и меры для того, чтобы сделать съестные припасы доступными бедному народу, вместо того, чтобы очистить Конвент от членов, всегда становившихся поперек всяких революционных мер, и вместо обсуждения военных мер, вынужденных изменой Дюмуре, в этот день почти что уже подтвержденной, — восстание 10 марта ничего не давало, кроме революционного суда. На место творческого, строительного ума народной революции, искавшей своих путей, подставляли дух полицейского сыска, который вскоре и задавил революционное народное творчество.

На этом Конвент уже собирался расходиться, когда Дантон бросился на трибуну и остановил представителей, уже выходивших из залы, напоминая им, что неприятель вступает во Францию и что ничего еще не сделано, чтобы отразить нашествие.

В тот же день в Вандее крестьяне, возбуждаемые духовенством и дворянами, начали всеобщее восстание и избиение республиканцев. Восстание давно уже готовилось по наущению Рима. В августе 1792 г. была даже сделана первая попытка восстания как раз в то время, когда пруссаки вступили во Францию. С тех пор город Анжер стал политическим центром духовенства, отказавшегося присягнуть конституции, тогда как монахини Св. Премудрости служили эмиссарами духовенства для разноски воззваний и распространения всяких рассказов о чудесах, доказывавших необходимость восстания*. Теперь рекрутский набор, объявленный Конвентом 10 марта, давал сигнал ко всеобщему бунту. Вскоре вслед за тем, по предложению Катлино, крестьянина-каменщика и церковного старосты, в своем приходе, ставшего одним из самых смелых начальников банд, во главе восстания был поставлен верховный совет, главой которого был назначен священник Бернье.

*Michelet J. Histoire de la Revolution francaise, v. 1—9. Paris, [1876—1879], v. 7, l. 10, ch. 5.

10 марта ударили в набат в нескольких стах приходах, и около 100 тыс. человек бросили работу и начали охоту на республиканцев и на присягнувших конституции священников.

Именно охоту, с трубачом, который трубил в рог, когда завидит зверя, и давал сигнал, когда начать травлю. Охоту и истребление, во время которого врагов, взятых живьем, подвергали самым зверским пыткам, убивая их понемногу и отказываясь прикончить или же отдавая их на пытку женщинам, с их ножницами, и даже детям, чтобы еще более продлить мучения. Все это делалось под руководством священников, рассказывавших крестьянам про всякие вымышленные чудеса, чтобы вызвать также и истребление жен республиканцев. Дворяне со своими дамами-амазонками пристали к движению только позже. И когда эти «честные люди» назначили свой трибунал, чтобы судить республиканцев раньше, чем их казнить, их суд в шесть недель предал смерти 542 патриота**.

**«Каждый день, — писал один священник-роялист, не присягнувший конституции, Франсуа Шевалье, цитируемый Шассеном, — каждый день происходили кровавые экспедиции, от которых может только содрогнуться каждая честная душа и которые можно защищать, только рассуждая философски (они совершались по приказанию священников, во имя религии)... Однако же дело дошло до того, что говорилось открыто, что для восстановления мира необходимо и существенно не оставить в живых ни одного патриота во Франции. Озлобление народа было таково, что достаточно было пойти к обедне у одного из «втершихся» (священников, присягнувших конституции), чтобы быть арестованным и потому убитым палками или расстрелянным под предлогом, что тюрьмы переполнены, как оно делалось 2 сентября». В Машкуле, где было казнено 542 патриота, открыто проповедовалось избиение их жен. Шарет, один из вандейских предводителей, толкал на это слепо повиновавшихся ему фанатизированных крестьян.

Против этого дикого восстания Конвент мог выставить только 2 тыс. человек, рассеянных по всей Нижней Вандее, от Нанта до Рошели. Лишь в конце мая на места прибыли первые организованные силы республики. До того Конвент мог бороться против восстания одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацию имущества для дворян и для священников, которые не выедут из Вандеи в течение восьми дней! Но где же была сила, чтобы приводить в исполнение эти декреты?

Дела шли не лучше и в восточной Франции, где армия под начальством Кюстина отступала перед австрийцами. В Бельгии же Дюмуре открыто восстал против Конвента 12 марта 1793 г. Он послал Конвенту письмо из Лувена, упрекая Францию в том, что она присоединила Бельгию и хотела ее разорить, введя ассигнации и продажу национальных имущества. Шесть дней позже он атаковал австрийцев при Неервинде, дал себя разбить ими, а 22 марта с согласия герцога Шартрского (сына герцога Орлеанского) и орлеанистских генералов он уже вступил в прямые переговоры с австрийским полковником Маком. Изменники-генералы обязывались очистить Голландию без сражения и идти на Париж, восстанавливая там конституционную монархию. В случае надобности их обязывались поддержать австрийцы, которые должны были занять в виде гарантии одну из пограничных крепостей Конде.

Дантон, ставя на карту свою голову, бросился в Бельгию, надеясь помешать этой измене. Он звал с собой двух жирондистов — Жансонне, друга Дюмуре, и Гюаде, чтобы уговорить изменника Дюмуре и вернуть его республике; но когда ему не удалось убедить их ехать с ним, он поехал 16 марта один, рискуя, что его самого обвинят в измене. Дантон нашел Дюмуре в полном отступлении после Неервинде и понял, что его измена бесповоротна;

действительно, он уже обязался перед Маком очистить Голландию.

Ужас распространился в Париже, когда Дантон вернулся 29 марта и с его приездом стало доподлинно известно, что Дюмуре изменил. Армия, которая одна только могла остановить иностранное вторжение, быть может, уже шла на Париж, против парижан.

Тогда сформировавшийся в эти дни в Париже Комитет восстания, уже несколько дней собиравшийся во дворце Епископства под руководством «бешеных», увлек за собой Коммуну. Секции вооружились и захватили артиллерию. Они пошли бы, вероятно, против Конвента, если бы не взяли верх другие советы — советы людей, старавшиеся предотвратить панику и взаимное избиение революционных элементов.

3 апреля получилось окончательное подтверждение измены Дюмуре: комиссаров, присланных к нему Конвентом, он велел арестовать. К счастью, армия за ним не последовала. Декрет Конвента, ставивший изменника-генерала вне закона и повелевавший арестовать герцога Шартрского, дошел-таки до войска, и ни генералу, ни герцогу Шартрскому не удалось увлечь за собой солдат. Дюмуре пришлось бежать за границу, как Лафайету, и сдаться под покровительство австрийцев.

На следующий день он и австрийцы вместе выпустили прокламацию, в которой герцог Кобургский возвещал французам, что идет вернуть Франции ее законного конституционного короля.

В самый разгар этого кризиса, когда неуверенность насчет того, какое положение займет армия Дюмуре, ставила на карту самое существование республики, три самых влиятельных члена Горы, Дантон, Робеспьер и Марат, в согласии с Коммуной (Пашем и Шометтом) действовали вполне единодушно, и они не дали развиться панике с ее вероятными тяжелыми последствиями.

В то же время Конвент, пользуясь обстоятельствами и под предлогом, что «недостаток единства» мешал до сих пор правильному ведению войны, решил взять в свои руки исполнительную власть в придачу к законодательной. Он назначил Комитет общественного спасения, которому дал очень широкие, почти диктаторские полномочия. И эта мера имела громадные последствия для всего дальнейшего развития революции.

Мы видели, что после взятия Тюильри Законодательное собрание установило под именем Временного исполнительного совета министерство, которому и вручило всю исполнительную власть. Кроме того, в январе 1793 г. Конвент назначил еще Комитет общей обороны; а так как война составляла в эту пору главную заботу, этот Комитет приобрел право надзора над Временным исполнительным советом. Теперь, чтобы придать больше единства правительству, Конвент создал Комитет общественного спасения, выбиравшийся Конвентом и состав которого должен был обновляться каждые три месяца. Он заступал место как Комитета обороны, так и Исполнительного совета. Предполагалось, что Конвент сам брал на себя обязанности министерства; но на деле понемногу, как и следовало ожидать, Комитет общественного спасения стал выше Конвента и приобрел во всех отраслях управления громадную власть, которую делил только с Комитетом общественной

безопасности, заведовавшим полицией.

Во время кризиса, разразившегося в апреле 1793 г., Дантон, уже принимавший до того времени самое деятельное участие в ведении войны, стал душой Комитета общественного спасения, и он сохранил это влияние вплоть до 10 июля 1793 г., когда подал в отставку.

Наконец, Конвент, который уже с сентября 1792 г. начал посылать своих комиссаров в департаменты и к армиям с очень широкими полномочиями, решил послать с такой же миссией еще 80 представителей, чтобы поднять дух в провинциях и возбуждать энтузиазм к войне. А так как жирондисты вообще отказывались от этих миссий (ни один из них не отправился к армиям), то они охотно назначали монтаньяров, может быть, с тайной мыслью усилиться таким образом в Конвенте в их отсутствие.

Но, конечно, не эти меры реорганизации правительства предотвратили гибельные последствия, которые могла бы иметь измена Дюмуре, если бы армия последовала за своим генералом. Факт тот, что для французского народа революция имела такую притягательную силу, что разрушить веру в революцию не зависело от воли того или другого генерала. Измена Дюмуре, наоборот, придала войне новый характер — народной, демократической войны.

Вместе с тем все поняли также, что Дюмуре один никогда бы не решился на то, что он сделал. У него должны были быть сильные связи в Париже, в Конвенте. Там было гнездо измены. Конвент изменяет — так действительно говорилось в адресе, выпущенном Якобинским клубом в день, когда измена стала известной, и подписанном Маратом, который председательствовал в клубе в этот вечер.

С этого момента падение жирондистов и их удаление из Конвента стали непредотвратимыми. Измена Дюмуре сделала неизбежным восстание 31 мая, кончившееся исключением из Конвента главных жирондистов.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:46:10

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:46:28